

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798

EDN IDVOAB

Морализаторство как политика отчуждения права (к постановке проблемы)

Носков В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

noskov@bsuedu.ru

Аннотация. В статье морализаторство трактуется как активность правящих и оппозиционных элит с целью легитимации своей власти, что коррелируется с модусным (производным) отчуждением права, порожденным его атрибутивным (исходным) отчуждением от своей сущности – диалектического единства ценностей ограниченной свободы и симметричной справедливости, которые в ходе практической реализации становятся ценностями произвольной свободы и асимметричной справедливости, демонстрируя раскол права на естественное право – правовой идеал и позитивное право – аберрацию этого идеала вследствие влияния фактора политики. В этом контексте политизация права означает подчинение правовых идеалов законам государства, провоцирующее последующее его отчуждение в форме морализаторства – как легитимирующей миссии власти. Эта миссия обозначается в рамках умеренной и радикальной версий, олицетворяющих, соответственно, как признание правящими и оппозиционными элитами легитимирующей взаимосвязи существующего законодательства и традиционной морали, так и отрицание этой взаимосвязи по причине абсолютизации либо существующей системы законодательства (легизм), либо «новой» морали (антилегизм). В первом случае подразумевается легитимный статус существующего миропорядка, во втором – актуализируется необходимость перехода к другому его типу.

Ключевые слова: право, политика, морализаторство, справедливость, свобода, миропорядок, легитимация

Для цитирования: Носков В.А. 2025. Морализаторство как политика отчуждения права (к постановке проблемы). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 790–798. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798 EDN: IDVOAB

Moralizing as a Policy of Alienation of Law (to the Formulation of the Problem)

Vladimir A. Noskov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

noskov@bsuedu.ru

Abstract. This article interprets moralizing as the activity of the ruling and opposition elites aimed at legitimizing their power. This correlates with the modal (derivative) alienation of law, generated by its attributive (initial) alienation from its essence – the dialectical unity of the values of limited freedom and symmetrical justice. These values, through practical implementation, become the values of arbitrary freedom and asymmetrical justice, demonstrating the split of law into natural law, which is the legal ideal,

and positive law – an aberration of this ideal due to the influence of political factors. In this context, the politicization of law signifies the subordination of legal ideals to the laws of the state, provoking its subsequent alienation in the form of moralizing – as the legitimizing mission of power. This mission is defined within the framework of moderate and radical versions, embodying, respectively, both the recognition by ruling and opposition elites of the legitimizing relationship between existing legislation and traditional morality, and the denial of this relationship through the absolutization of either the existing legal system (legism) or the "new" morality (anti-legism). The former implies recognition of the legitimacy of the existing world order, while the latter implies the legitimacy vacuum of the political strategies implemented by elites, which destroy the existing world order and necessitate a transition to another type.

Keywords: law, politics, moralizing, justice, freedom, worldorder, legitimation

For citation: Noskov V.A. 2025. Moralizing as a Policy of Alienation of Law (to the Formulation of the Problem). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 790–798 (in Russian): DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798 EDN: IDVOAB

Введение

Характерное для современности стирание границ между ценностями-нормами и ценностями-девиациями подпитывает искушение морализаторством как легитимирующей активности правящих и оппозиционных элит с целью укрепления своей власти, если понимать под последней «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своим намерением» [Ледяев, 2000, с. 106]. Данное обстоятельство тянет за собой проблему легитимации миропорядка как сферы ответственности этих элит, что, на наш взгляд, выливается в модусную (производную) форму отчуждения права от своей сущности, обусловленную атрибутивной (исходной) формой его отчуждения вследствие влияния фактора политики.

Между тем подобная трактовка морализаторства до сих пор остается на периферии исследовательского внимания, будучи поглощенной другими проблемами, такими, например, как соотношение права и морали с учетом [Капустин, 2001; Шапиро, 2003; Хесле, 2013;] и вне учета фактора политики [Лукашева, 1986; Новгородцев, 1995; Лафитский, 2007; Хмелевский, 2012], либо ассоциируясь с этической проблематикой¹ или насилием как таковым [Бродский, 2014]. Отсюда вытекает необходимость в осмыслении проблемы отчуждения права в контексте фактора политики как источника его морализаторства, выраженного в умеренной и радикальной формах, каждая из которых реализует свое предназначение в аспекте легитимации власти элит, что коррелируется с проблемой легитимации существующего или зарождающегося миропорядка.

Легитимирующая миссия морализаторства: методологические акцентировки

В своем абстрактном выражении морализаторство выступает как стремление привязать оценки (по заблуждению или лицемерию) к критериям, оторванным от реального понимания дел², что создает возможность для элит предельно вольно трактовать любые идеи и смыслы. Подобная семантическая пластичность морализаторства способствует его востребованности в качестве политического инструмента оправдания власти правящих и оппозиционных элит, что выливается, соответственно, либо в обоснование легитимности существующего миропорядка, либо в отрицание этой легитимности, причем, в любом случае имеет место отчуждение права от своей сущности. Иными словами, данный подход ориентирует на трактовку

¹ Соина О.С. 1996. Морализаторство как этическая проблема: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 40 с.

² Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина: в 4 тт. 2010. М.: Мысль, Т.2. С. 609.

морализаторства как олицетворения примата политики по отношению к морали и праву, что не вписывается в правовые концепции власти и политики Гоббса, Локка, Спинозы, Руссо, Канта, но укладывается в понимание политики как человеческих отношений в аспекте их «первичности» по отношению к праву и морали [Кравченко, 1998, с. 52]. В этой связи уместно сослаться на мнение известного российского ученого Ю.А. Тихомирова: «Стремление некоторых юристов деполитизировать юридическую науку в 1990-е гг. – явное преувеличение. Политика была и остается важнейшим инструментом определения целей, влияния на сознание и поведение людей» [Тихомиров, 2023, с. 8]. Подобная оценка касается и морали, которая на уровне обыденного сознания не отрефлексирована (не осмыслена), рассматривается как нечто само собой разумеющееся, что позволяет элитам навязывать обществу ее политизированные версии с легитимирующим подтекстом.

Вместе с тем «первичность» политики над правом и моралью не безусловная, а условная, ибо политика не сводится исключительно к духовно-практической силе, сосредоточенной на балансировании, регуляции, оптимизации, канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности [Ильин, Панарин, 1994, с. 11]. Как можно убедиться, в данном определении фигурирует парадигма эффективности – своего рода «физика» политических процессов и их результатов. Однако политика «метафизична» в аспекте зависимости от правового «облучения», если понимать под этим заинтересованность правящих (или оппозиционных) элит «на монополию легитимного физического насилия» [Вебер, 1990, с. 645]. Отсюда парадигма легитимности является не менее значимой составляющей политического бытия, поскольку она подкрепляет физическое насилие со стороны власти метафизическим насилием – морализаторством в форме политизированной морали. В свете данного подхода морализаторство есть отчуждение права от своей сущности по причине его «облучения» политикой, реализующей роль творца объективированных (состоявшихся) форм морально-правовой реальности, что делает этот феномен (морализаторство) вторичной (модусной) формой отчуждения права, порожденной первичной (атрибутивной) формой его отчуждения – продуктом политизации права.

Проблема отчуждения права неизбежно выводит на передний план прояснение его сущности, что, по мнению И. Канта, представляет для юриста такие же трудности, как для логики вопрос, что такое истина [Кант, 1965, с. 138]. Отсюда напрашивается допущение, что право (в своей идеальной ипостаси) выступает как диалектическое сопряжение ценностей *ограниченной свободы* – способности человека нести персональную ответственность за свои действия перед обществом (государством) и *симметричной справедливости* – способности человека требовать социальную ответственность со стороны общества (государства) за свое персональное благополучие. Этот правовой идеал нуждается в политике как средства реализации его требований на практике. Отсюда политизация права трансформирует его онтологический (самодостаточный) статус в методологический (обслуживающий) статус, поскольку, как отмечает Ж.-П. Сартр, «метод – это социальное и политическое оружие» [Сартр, 2023, с. 8]. Подобная миссия права закладывает легитимирующую основу для миропорядка, ибо, по мнению С.С. Алексеева, «нужно постоянно держать в поле зрения то существенное обстоятельство, что право – по своей основе *институт практического порядка*, функционирующий в самой гуще жизни (курсив мой. – В.Н.)» [Алексеев, 1997, с.100]. Получается, что право интегрирует в себе ценности порядка как имманентной (укорененной) цели, а также ограниченной свободы и симметричной справедливости как имплицитные (подразумеваемые) средства реализации этой цели. Эти ценностные приоритеты в ходе практической реализации выступают в политической оболочке, т.е. подчиняются требованиям политической целесообразности как синонима первичной (атрибутивной) формы отчуждения права – превращения ограниченной свободы в произвольную свободу, а симметричной справедливости – в ассиметричную справедливость.

Однако легитимирующая миссия права нивелируется не только в силу политизации – как первичное (атрибутивное) его отчуждение, но и благодаря морально-этическому фактору, востребованному обществом как побудительная сила, призванная, согласно Аристотелю, подчинять политическую деятельность архитектурным целям блага и добра [Аристотель, 2021, с. 6]. Поэтому политика предстает не как «чистое», а как заинтересованное (в идеале этическое) миропредставление и мировоздействие на базе предвзятых принципов¹.

Уточним, что сутью морали является внутренняя убежденность индивида, субъективное долженствование, идея самоценности человеческой личности [Гусейнов, 1986, с. 160]. Исходя из этого, можно предположить, что сильные в экономическом, политическом, культурном и ином отношении субъекты власти располагают возможностями для навязывания обществу «нужных» трактовок моральных ценностей, что в свое время отметил русский мыслитель С. Франк: «Общий политический итог всегда, следовательно, определен *взаимодействием* между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства» [Франк, 1990, с. 254]. Именно «руководящее меньшинство» в лице правящих и оппозиционных элит располагает ресурсами и средствами для морализации политики, выступающей как позиционирование моральных ценностей, якобы тождественных истинным представлениям о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, определяющим соответствующие нормы поведения. В этом выражена суть морализаторской политики в духе Н. Макиавелли: «Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым... но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо» [Макиавелли, 2022, с. 93]. Исходя из этого, морализаторство есть использование морали правящими и оппозиционными элитами в качестве политического инструмента легитимации своей власти, причем, речь идет как об отдельных государствах, так и о мировом сообществе, имея в виду, с одной стороны, государства (транснациональные корпорации), располагающие возможностями экономического, политического, информационного и иного давления на международные организации (ООН и др.) с целью легитимации своей внешней политики путем навязывания «нужных» трактовок международного права, а с другой – государства и организации, не располагающие этими возможностями, однако обладающие соответствующими (в том числе военными) ресурсами, подкрепленными способностью их руководства принимать волевые решения для противодействия подобной «легитимации».

Можно заключить, что легитимирующее предназначение морализаторства выражается в политизации морали, что, однако, требует различать *умеренную* и *радикальную* его версии, подразумевающие, соответственно, конвергенцию (соединение) легитимирующих энергий законодательства и традиционной морали как свидетельство консенсуса между правящими и оппозиционными элитами и их дивергенцию (разъединение) как следствие конфронтации между этими элитами. Умеренное морализаторство есть мягкий вариант отчуждения права, отражающий неустойчивый баланс между ценностями произвольной свободы и асимметричной справедливости, которые, будучи аккумулированные в законах и традиционной морали, являют собой легитимирующие основы существующего миропорядка. Напротив, радикальное морализаторство – жесткий вариант отчуждения права, подразумевающий нарушение этого баланса, нивелирование легитимности существующего миропорядка с поощрением процессов его разрушения в экономической, социальной, культурной и иных сферах, приводящих к состоянию аномии (Э. Дюркгейм). Поэтому умеренное морализаторство есть показатель эволюционного развития общества, что востребует (пусть и в усеченном

¹ Философия в системе культуры: Учебное пособие для вузов / под. ред. В.В. Ильина. 2004. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ». С. 42.

виде) легитимирующую миссию права, тогда как радикальное морализаторство есть отражение революционного его развития, провоцирующего редуцирование (сужение) этой миссии либо до *легизма* – существующей системы законодательства как идентификатора трактовок ценности справедливости со стороны государства, либо до *антилегизма* – «новой» морали как идентификатора альтернативных трактовок этой ценности. Обозначенные вариации радикального морализаторства есть порождение политической конъюнктуры, запускающие своеобразные монологи своих апологетов, с той лишь разницей, что в одном случае речь идет о монологе-инициативе в деле разрушения существующего миропорядка, а в другом – о монологе-реакции на подобную инициативу, что в любом случае приводит к нарушению хрупкого баланса между политизированными правовыми ценностями в лице произвольной свободы и асимметричной справедливости, выливающегося в эрозию легитимных основ существующего миропорядка.

Выходит, что в радикальном морализаторстве сопрягаются две его версии – *активное радикальное морализаторство* и *реактивное радикальное морализаторство* как стратегии легитимирующей активности правящих и оппозиционных элит, каждая из которых по своему способствует отчуждению права от своей идеальной сущности, поскольку из триединого правового идеала «ограниченная свобода – симметричная справедливость – порядок» первые две ценности трансформируются в произвольную свободу и асимметричную справедливость, в третья – уходит в небытие, ибо разрушение старого и созидание нового миропорядка означает отсутствие миропорядка как такового.

В целом морализаторство детерминировано историческими обстоятельствами, задающими легитимирующую активность элит по упрочению своей власти в духе конъюнктуры, выражающейся либо в умеренной, либо в радикальной формах политизации права: в первом случае доминирует установка на защиту существующего миропорядка, а во втором – на его разрушение, поскольку на передний план выходят задачи формирования нового миропорядка. Таким образом, эти формы морализаторства определяются стоящей перед элитами дилеммой – легитимировать (оправдывать) или делегитимировать (критиковать) существующий миропорядок.

Радикальное морализаторство в историческом ракурсе

В условиях перехода от одного типа (миро)порядка к другому радикальное морализаторство становится легитимирующей основой этих процессов, что можно показать на исторических примерах, имея в виду как российское государство – начало (1917 г.) и завершение (1991 г.) советского периода его истории, так и события, оказавшие влияние на мировое сообщество – прецеденты Косова (2008 г.), Абхазии и Южной Осетии (2008 г.), Крыма и Севастополя (2014 г.), Донбасса и Новороссии (2022 г.).

Так, состоявшиеся в ноябре 1917 г. (после Октябрьской революции) выборы в Учредительное собрание показали, что российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) получила около четверти голосов избирателей (24 %), что не помешало этой политической силе сохранить свою власть вначале в союзе с левыми эсерами (до июля 1918 г.), а затем стать единственной партией в стране. Здесь проявилась ставка на освящение радикального морализаторства (в облике «революционной» морали) над умеренной его версией (в облике апелляции к существующим законам и традиционной морали), что, с одной стороны, способствовало упрочению власти большевиков, а, с другой – разрушению старого миропорядка, что привело к гражданской войне. В данной ситуации, по мнению Г. Рормозера, была реализована идея В.И. Ленина о лишении государства субъектности в принятии окончательных решений: «Легальность не признается более легитимной. То, что легально, так и остается просто-напросто легальным, но оно отнюдь не является тем самым легитимным» [Рормозер, 1996, с. 100].

Однако после окончания гражданской войны новая власть осознает необходимость смены легитимирующих «подпорок» государства, что знаменовало отказ от радикального морализаторства в пользу его умеренной версии как примирителя легальности – советской системы законодательства и морали – в редакции кодекса строителя коммунизма. Эта версия умеренного морализаторства работала несколько десятилетий и исчерпала свой потенциал к середине 80-х годов XX века, когда в СССР обострились проблемы экономического, социального, национального характера, порожденные как объективными, так и субъективными причинами – некомпетентностью и нерешительностью руководства страны во главе с М.С. Горбачевым, что создавало угрозу единству страны и требовало, в частности, законодательного оформления процедур и механизмов возможного выхода той или иной союзной республики из состава Советского Союза, поскольку статья 72 Конституции СССР 1977 года носила декларативный характер, указывая лишь на то, что за каждой союзной республикой сохранялось право свободного выхода из СССР¹. Поэтому в условиях набирающих силу центробежных тенденций Верховный Совет СССР 3 апреля 1990 г. принял Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», где, в частности, прописывались условия проведения референдума в республике, выходящей из СССР – 2-я статья, устанавливался переходный период при голосовании двух третей населения республики за выход из СССР – 9-я статья, перечислялись вопросы, которые должны решать, с одной стороны, Совет Министров СССР, а с другой – правительство выходящей из СССР союзной республики – 14-я статья².

Подобные инициативы официальной власти натолкнулись на яростное противодействие участников Народных фронтов, националистов, сторонников западных либеральных ценностей, которых сближала апелляция к «новой» морали как воплощению стремлений граждан и народов к свободе и самоопределению и, соответственно, антиподу существующего законодательства. Апофеозом морализаторского радикализма стало подписание в декабре 1991 г. руководителями России, Украины и Белоруссии соглашения, в котором констатировалось, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование³, хотя этот документ противоречил и выше обозначенному союзному закону, и международному праву, в частности Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., согласно которому «государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы»⁴. Как результат – хаос на постсоветском пространстве, кровавые конфликты в ряде республик бывшего СССР, сотни тысяч беженцев, резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства граждан и т. д. Подобные решения уходят корнями в мировоззрение правящих и оппозиционных элит, одна из особенностей которого, по мнению известного правоведа Б.А. Кистяковского, в том, что «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности» [Кистяковский, 1991, с. 110]. Можно сказать, что интеллигенция России-СССР как олицетворение элиты (правящей или оппозиционной) сыграла ключевую роль в разрушении легитимных основ имперского, буржуазно-демократического и, наконец, советского типов государственности, делая

¹ Конституция и законы Союза ССР. М., 1983. С. 17.

² О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР: Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1. URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_37784.html (дата обращения: 22.09.2025).

³ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 08.12.1991. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900745> (дата обращения: 26.09.2025).

⁴ Хельсинский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30039> (дата обращения: 23.09.2025).

ставку на радикальное морализаторство как антипод его умеренной версии, гарантирующей исторически сложившийся миропорядок.

Другой пример радикального морализаторства – признание независимости Косова от Сербии (2008 г.), изначально исходившее от 93 стран, обосновавших подобный шаг статьей 3 Декларации ООН о правах коренных народов (2007 г.), согласно которой «коренные народы имеют право на самоопределение»¹. Это решение запустило процессы делегитимации существующего миропорядка путем навязывания очередной редакции «новой» морали как продолжения поисков в этом направлении французских якобинцев, русских большевиков или современных западников-либералов, что открыло своего рода «ящик Пандоры», ибо теперь легитимирующие основы миропорядка стали напоминать маятник, который мог качнуться в другую сторону (в рамках реактивного морализаторства), что продемонстрировала Россия, признав независимость Абхазии и Южной Осетии (2008 г.), Крыма (2014 г.), Донецкой и Луганской народных республик (2022 г.), ссылаясь на провозглашенный ООН один из ключевых принципов – право народов на самоопределение, а затем подкрепив это решение проведенными референдумами по вопросу вхождения в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя (2014 г.), Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей (2022 г.), что получило отражение в статье 65 Конституции Российской Федерации². Подобный сценарий стал ответом исповедуемому правящими элитами Запада активному радикальному морализаторству, будь это легистский его вариант – как освящение территориальной целостности, например, Испании (фактор Каталонии) и Украины или антилегистский вариант – как освящение разрушения территориальной целостности, например, Югославии. Антиномическая суть подобных политических решений заложена в 1-й и 2-й статьях Устава ООН, декларирующих, с одной стороны, право народов на самоопределение, а с другой – обеспечение территориальной неприкосновенности государств³. Будучи в потенциальном (декларативном) статусе, эти принципы воплощают умеренное морализаторство – легитимирующую основу существующего миропорядка, тогда как в актуальном (реализованном) статусе они ставят субъекта власти перед выбором – либо абсолютизировать существующее законодательство, либо в противовес ему создавать ценности «новой» морали, стимулируя таким образом радикальное морализаторство как инструмент разрушения легитимных основ существующего миропорядка.

Заключение

В свете заявленного подхода морализаторство есть политика правящих и оппозиционных элит по легитимации своей власти, что равнозначно модусному (производному) отчуждению права от своей сущности в формах: умеренного морализаторства – признания элитами легитимирующей взаимосвязи существующего законодательства и традиционной морали; радикального морализаторства – отрицания подобной взаимосвязи путем абсолютизации либо существующей системы законодательства (легизм), либо «новой» морали (антилегизм). Иными словами, умеренное морализаторство подразумевает легитимность существующего миропорядка, а радикальное – разрушение этой легитимности как олицетворение перехода к новому типу миропорядка. В этой связи легитимирующую ангажированность морализаторства

¹ Декларация Объединенных Наций о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml, свободный (дата обращения: 23.09.2025).

² Конституция Российской Федерации. URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/>

³ См.: Устав Организации Объединенных наций. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). М., 1980. С. 586–618.

можно трактовать как продолжение атрибутивного (исходного) отчуждения права от своей сущности вследствие его политизации, когда происходит раскол бытия права на естественное право – противоречивое единство идеалов ограниченной свободы и симметричной справедливости и позитивное право – трансформацию этих идеалов в ценности произвольной свободы и асимметричной справедливости в контексте подчинения требованиям политической целесообразности. Отсюда исходным моментом отчуждения права является эксплуатация элитами фактора политики, а завершающим – их апелляция к морализаторству в его умеренной и радикальной формах как стремления обеспечить легитимацию своей власти и, соответственно, защитить или разрушить существующий миропорядок.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1997. Философия права. М., НОРМА, 336 с.
- Аристотель. 2021. Этика. М., АСТ, 416 с.
- Бродский А.И. 2014. Морализаторство и насилие с логико-семантической точки зрения. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, Серия 17. Выпуск 1: 5-11.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс, 808 с. (Weber M. 1980. *Gesammelte Politische Schriften*. Tübingen, S. 505-560).
- Гусейнов А.А. 1986. Мораль. В кн.: Общественное сознание и его формы. Под ред. В.И. Толстых. М., Политиздат: 144-202.
- Ильин В.В., Панарин А.С. 1994. Философия политики. М., Изд-во МГУ, 283 с.
- Кант И. 1965. Сочинения в 6-ти томах. М., Мысль, Т. 4. Часть II, 478 с.
- Капустин Б.Г. 2001. Критика политической морали (мораль – политика – политическая мораль). *Вопросы философии*, 2: 33-55.
- Кистяковский Б.А. 1991. В защиту права. В кн.: Вехи. Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910. М., Молодая гвардия: 109-136.
- Кравченко И.И. 1998. Введение в исследование политики (филос. аспект). М., ИФРАН, 188 с.
- Лафитский В.И. 2007. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении. *Журнал российского права*, 9: 53–58.
- Ледяев В.Г. 2000. Власть: концептуальный анализ. *Полис*, 1: 97-107.
- Лукашева Е.А. 1986. Право, мораль, личность. М., Наука, 262 с.
- Макиавелли Н. 2022. Государь. О военном искусстве. М., АСТ, 416 с.
- Новгородцев П.И. 1995. Право и нравственность. *Правоведение*, 6: 103-113.
- Рормозер Г. 1996. Кризис либерализма. Пер. с нем. М., ИФРАН, 292 с. (Rohmoser Gunter. 1994. *Die Kriese unserer liberalen Respublik*. Verlag Berlin Ullstein, 559 s.)
- Сартр Ж.-П. 2023. Проблемы метода. Пер. с фр. М., АСТ, 220 с. (Sartre J.-P. 1967. *Questions de methode*. Gallimard, 255 p.).
- Тихомиров Ю.А. 2023. Загадки правового воздействия на процессы в окружающем мире. *Журнал российского права*, 9: 5-14. DOI: 10.61205/jrp.2023.099.
- Франк С. 1990. De profundis. В кн.: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., Изд-во МГУ, 251-269.
- Хесле В. 2013. Об отношении морали и политики. Часть 1. *Полис*, 4: 45-61.
- Хмелевский С.В. 2012. Мораль и право: некоторые базовые аспекты взаимосвязи и взаимовлияния. *Бизнес в законе*, 2: 191-198.
- Шапиро Я. 2003. Моральные основания политики. *Социологическое обозрение*, 3 (1): 20-34.

References

- Alekseev S.S. 1997. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Publ. NORMA, 336 p.
- Aristotle, 2021. *Etika* [Ethics]. Moscow, Publ. AST, 416 p.
- Brodsky A.I., 2014. *Moralizatorstvo i polucheniye s logiko-semanticheskoy tochki zreniya* [Moralizing and violence from a logical-semantic point of view]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Seriya 17. Vypusk 1: 5-11.
- Frank S. 1990. *Iz glubiny* [De profundis]. In: *Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [A collection of articles on the Russian Revolution]. Moscow, Moscow University Publ. House: 251-269.

- Guseynov A.A. 1986. Moral' [Moral]. In.: Obshchestvennoye soznaniye i yego formy [Public consciousness and its forms]. Ed. V.I. Tolstykh. Moscow, Publ. Politizdat: 144-202.
- Il'in V.V., Panarin A.S. 1994. Filosofiya politiki [Philosophy of Politics]. Moscow, Moscow University Publ. House, 283 p.
- Kant I. 1965. Sochineniya v 6-ti tomakh. Tom 4, Chast' II. [Works in 6 volumes. Vol. 4, Part II]. Moscow, Publ. Mysl', 478 p. (in Russian).
- Kapustin B.G. 2001. Kritika politicheskoy morali (moral' – politika – politicheskaya moral') [Critique of political morality (morality – politics – political morality)]. *Voprosy filosofii*, 2: 33-55.
- Khesle V. 2013. Ob otnoshenii morali i politiki. Chast' 1 [On the relationship between morality and politics. Part 1]. *Polis*, 4: 45-61. (in Russian).
- Khmelevsky S.V. 2012. Moral' i pravo: nekotoryye bazovyye aspekty vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya [Morality and Law: Some Basic Aspects of Interrelation and Interinfluence]. *Biznes v zakone*, 2: 191-198.
- Kistyakovskiy B.A. 1991. V zashchitu prava [In Defense of the Law]. In: Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: Sbornik statey 1909-1910 [Milestones. The Intelligentsia in Russia: A Collection of Articles 1909–1910]. Moscow., Publ. Molodaya gvardiya: 109-136.
- Kravchenko I.I. 1998. Vvedeniye v issledovaniye politiki (filosofskiy aspekt) [Introduction to the Study of Politics (Philosophical Aspect)]. Moscow, Publ. IFRAN, 188 p.
- Lafitsky V.I. 2007. Printsip verkhovnstva prava v etiko-pravovom obespechenii [The principle of the rule of law in the ethical and legal dimension]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 9: 53-58.
- Ledyaev V.G. 2000. Vlast': kontseptual'nyy analiz [Power: conceptual analysis]. *Polis*, 1: 97-107.
- Lukasheva Ye.A. 1986. Pravo, moral', lichnost' [Law, morality, personality]. Moscow, Publ. Nauka, 262 p.
- Machiavelli N. 2022. Gosudar'. O voyennom iskusstve [The Sovereign. On the Art of War]. Moscow, Publ. AST, 416 p.
- Novgorodtsev P.I. 1995. Pravo i npravstvennost' [Law and Morality]. *Pravovedeniye*, 6: 103-113.
- Rohrmoser G. 1996. Krizis liberalizma [The crisis of liberalism]. Translated from German. Moscow, Publ. IFRAN, 292 p. (Rohmoser Gunter. 1994. Die Kriese unserer liberalen Respublik. Verlag Berlin Ullstein, 559 s.)
- Sartre J.-P. 2023. Problemy metoda [Problems of method]. Translated from French. Moscow, Publ. AST, 220 p. (Sartre J.-P. 1967. Questions de methode. Gallimard, 255 p.).
- Shapiro Ya. 2003. Moral foundations of politics. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 3 (1): 20-34 (in Russian).
- Tikhomirov Yu.A. 2023. Zagadki pravovogo vozdeystviya na protsessy v okruzhayushchem mire [Riddles of legal influence on processes in the surrounding world]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 9: 5-14.
- Weber M., 1990. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Translated from German. Moscow, Publ. Progress, 808 p. (Weber M. 1980. Gesammelte Politische Schriften. Tubingen, S. 505-560).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Поступила после рецензирования 15.07.2025

Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025

Revised July 15, 2025

Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Носков Владимир Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Noskov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.